

Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979, 247 с.

Рецензируемый сборник отражает определенный этап работ Института этнографии АН СССР по исследованию материальной культуры и быта сибирской деревни¹. В нем освещаются вопросы землепользования и землевладения, особенности местного строительства по отдельным регионам, дается обзор и оценка источников по этнографии русского населения Западной Сибири.

Первая группа проблем отражена в статьях И. В. Власовой, В. А. Липинской и частично в работе [А. В. Сафьяновой] (с. 115—118). Проведенные изыскания важны не только для понимания прошлого Поморья и Сибири. Их результаты имеют и общетеоретическое значение, так как затрагивают вопрос о формировании структуры производительных сил земледелия в малонаселенных регионах. Такие регионы встречались не только в нашей стране, но и в Северной Америке, Австралии и др.

Статья И. В. Власовой «Землепользование в Поморье и Западной Сибири XVII—XVIII вв. Традиции и практика» прежде всего интересна постановкой проблемы. Для сравнительного анализа взяты сходные по степени заселенности и историческим судьбам регионы. Это позволило показать, в какой мере давление «извне», порождаемое вмешательством государства, деформировало «естественный» процесс эволюции землепользования. На основании скрупулезного анализа И. В. Власова устанавливает, что обычное право отчуждения земли в индивидуальную собственность у поморских крестьян было фактически упразднено межевыми инструкциями 1754 и 1756 гг. (с. 24), а в Сибири оно сохранялось значительно дольше. Автор совершенно справедливо ограничивает свое исследование концом XIX в., когда после учреждения должностей крестьянских начальников проводились массовые переделы земли (с. 45). Однако это вмешательство «извне» здесь не привело к ликвидации принципа «заимочности» и «староместности». Сравнительный анализ землепользования свидетельствует о наличии двух «мирских» тенденций. Одна из них была связана со стремлением к закреплению участков в личную собственность, другая — с ежегодным переделом всего фонда пахотных земель между общинниками. Соотношение этих двух тенденций было непостоянным. Основой для укрепления «передельной» тенденции являлось резкое изменение демографической ситуации внутри крестьянского мира. Частной причиной могли стать акции, направленные на земельное «утеснение» общины. В такой обстановке для обеспечения жизнеспособности каждого двора «мир» вынужден был прибегать к жесткой регламентации его деятельности: вводить принудительные севообороты, «изнуряющую паренину», устанавливать сроки сева и т. д. На той же основе возникало принудительное трехполье, принципиально отличное от того, которое велось каждым земледельцем самостоятельно. Принудительное трехполье сужало личную инициативу земледельца в поиске новых агроприемов. В статье приводятся таблицы, из которых видно, что в ряде мест Поморья сложилась критическая ситуация из-за диспропорции между пахотным фондом и покосами. В наиболее обеспеченной покосами губернии на 100 дес. пашни приходилось 192 дес. покосов, в наименее обеспеченной — 16,6 дес., в остальных — от 20 до 51 дес. (с. 33). Эти цифры исключают возможность существования трехполья с индивидуально планируемым чередованием полей. Подтверждают это и приводимые в статье многочисленные факты о распространении регламентированного трехполья (с. 24, 25, 30, 59, 60 и др.). По отдельным фрагментам статьи можно заключить, что автор склонен положительно оценить значение «полеводственной практики», возникающей на таких основаниях (с. 24, 60). По нашему же мнению, такая «практика» вела к застойности агротехники, к прозябанию крестьянского хозяйства.

Создание «принудительного» трехполья являлось одним из способов сохранения крестьянского хозяйства. Другой, лучший способ, был связан с миграцией крестьянства в обеспеченные землей районы. Можно предположить, что благодаря миграциям возникла трехполька без принудительного севооборота во многих селениях Тюменско-Тобольского тракта². В статье хорошо аргументируется также соображение о том, что в Сибири «больше чувствовалась жизнеспособность обычного права в форме заимочного землевладения» (с. 45, 47, 49, 58—60 и др.), которое определяло свободу двора в выборе севооборота. Поэтому нам представляется более точным, когда речь идет о некоторых общих явлениях, свойственных Поморью и Зауралью, говорить не об «изменении или возрождении традиций» (с. 40, 52, 62), а о переносе определенных стадий сложившихся режимов землепользования в условия, которые обеспечивали их нормальное функционирование.

¹ См. сб. «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., 1974.

² В. М. Суринов. Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири по материалам историко-этнографических экспедиций (конец XIX — начало XX в.) — «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., 1974, с. 112.

Интересны данные о положении «половников» в Поморье и Сибири. «Половник» Зауралья отличался большей самостоятельностью, часто жил на отдельном от хозяина дворе (с. 53). Это обстоятельство важно для понимания типа эволюции сельского хозяйства Сибири. Общеизвестно, что при капитализме происходит отделение непосредственного производителя от средств производства. Для определения характера капитализации сельского хозяйства очень важно знание условий этого процесса. Из статьи следует, что в Зауралье население, находившееся даже на крайней ступени социальной зависимости, имело возможность пользоваться таким важным элементом сельскохозяйственного производства, как земля. В силу этого соответствующим образом должно было формироваться органическое строение капитала. Известная независимость работника заставляла капиталиста для получения прибыли более широко механизировать процесс труда.

В статье И. В. Власовой много внимания уделяется такому интересному, общему для Поморья и Сибири явлению, как «складничество». Справедливо указывается, что оно часто возникало при освоении новых земель (с. 36). По нашему мнению, следовало бы более определенно обозначить спорадичность этого процесса. По всей вероятности, складничество было связано с определенной ступенью, уровнем адаптации земледельца к местным условиям. Когда процесс приспособления завершался, происходил распад или «полураспад» общностей, работающих «впавал». Например, начальный этап освоения целины, конечно, требовал объединенных усилий, но при наличии 3—4 лошадей и колесного плуга земледelec мог поднимать залежь и в одиночку, что, кстати сказать, часто и делалось.

Статья В. А. Липинской «„Займки“ Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения» является как бы логическим продолжением работы И. В. Власовой. Ранее эта проблема привлекала внимание исследователей лишь попутно, в связи с решением отдельных практических вопросов землеустройства, проведения сибирской дороги³ и т. д.

В работе В. А. Липинской впервые займка рассматривается как объект научно-исторического исследования. Свою задачу автор ограничивает рассмотрением займки как типа населенного пункта. В статье строится модель расселения земледельцев. Оно развивалось от крупных поселений к малодворным; созданию последних предшествовало опробование участков поселения методом сезонного пребывания. Эта схема не носит абстрактного характера, она убедительно обосновывается конкретными фактами. Есть все основания считать, что такой путь расселения был одним из наиболее распространенных. Но в то же время следует отметить, что он был и одним из наиболее медленных.

Расселение вблизи от основного пункта определялось постепенным увеличением демографического давления внутри общины и возникновением «крайних пашен» на расстоянии 10—15 верст от селения, что подтверждается также данными таблиц № 2 и 4 (с. 153, 158, 159). Из них видно, что займки создавались крестьянством главным образом для сельскохозяйственного производства. Их возникновение порождалось необходимостью сохранения определенного режима землепользования. Это подтверждается отсутствием связи между распространенностью займок и размером наделов и известной зависимостью данного явления от систем земледелия (с. 153, 155, 267). В силу этого представляется спорным утверждение В. А. Липинской о том, что займочные поселения «способствовали не освоению новых пространств, а уплотнению сложившегося расселения» (с. 151). Это также противоречит и логике. При перенесении усадьбы на новое место должно было меняться соотношение между «удворными» и дальними пашнями, его сохранение вело бы к интенсификации землепользования.

Наряду с сельскохозяйственными займками существовали и промысловые (до 18% от общего числа займок), и организуемые лицами некрестьянского звания (свыше 20%). С известной долей условности можно сказать, что их возникновение прямо не диктовалось демографическими процессами. В оценке характера этих займок в статье имеется известная противоречивость: с одной стороны, признается, что их возникновение было связано «с широким развитием капитала» (с. 186) и в целом «в займочной системе и сезонных займочных поселениях были найдены оптимальные пути освоения природных ресурсов Сибири». А с другой, — усматривается наличие в займочном хозяйстве «глубоких архаических черт» (с. 167). Арханзм объясняется «захватным способом» организации дела, «недолговременностью» производства. По нашему мнению, такая двойственность в оценках порождена тем, что введенные автором сами по себе очень интересные источники не дают ответа на этот вопрос. Так, например, имение Благодатное Заводоуковской вол. трактуется исключительно как мельничная займка; на самом деле это было образцовое полеводческое хозяйство, принимавшее участие в Курганской (1845 г.) и Нижегородской (1896 г.) выставках. Очевидно, надо использовать более подробные описания займочных хозяйств. Любопытны в этом отношении объяснительные записки агрономических служб о займках, на которых предполагалось создавать опытные и учебные заведения. Таково, например, описание займки Барсукова,

³ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА), ф. 391, оп. 1, д. № 154; См. также: «Заметка о займочном и общинном землевладении». — «Сибирский листок» Тобольск, 1893, № 45; «О займках в Енисейской губернии». — «Енисейские губернские ведомости» Енисейск, 1892, № 50.

расположенной в Семилужской вол., в 30 км от Томска, образованной в 1894 г. В нем отмечается и добротность построек и пасека «в большой округе, известная за образцовую», и попытки владельца внедрить посевы пшеницы, и факт выписки им «пчеловодного журнала» и т. п.⁴, т. е. по всем показателям это хозяйство нельзя отнести к заурядным явлениям. В то же время совершенно очевидно, что переписчики населенных мест трактовали бы его как самое обычное.

В статье В. А. Липинской содержатся интересные наблюдения о зоне концентрации заимок с ветряками на полосе, протянутой с северо-востока на юго-запад по территории юга бывшей Тобольской губернии. Объясняет это автор направлением господствующих ветров и наличием сырьевой базы. Не отрицая значения названных обстоятельств, все же следует отметить, что данная полоса обозначается и другими элементами материальной культуры — в частности сортами и сортотипами сельскохозяйственных растений⁵. Такое совпадение нуждается в дополнительном истолковании.

В. А. Липинской тщательно изучается вопрос о сезонных заимочных постройках — подробно описаны палатки, шалаши, рубленые избы. Но из поля зрения автора почему-то выпало такое строение, как «крышка», состоявшее из шести столбов, огороженных плетнем и прикрытых сверху «ветренниками» (жердями). Оно занимало особое место в эволюции жилища на заимке: полога заменялись балаганами, балаганы — «крышками», «крышки» — рублеными избами⁶.

Изучению жилищного строительства посвящена статья В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой «Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (конец XIX — начало XX в.)». Частично этот вопрос освещается также в статьях А. А. Лебедевой «Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт», А. В. Сафьяновой «Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX — начале XX в.». Сибирское жилище, сибирский двор издавна привлекали внимание исследователей и наблюдателей. «Основательные деревянные дома», «прочные хозяйственные застройки (на дворе), наряду с «обилием скота» и «богатым хозяйственным обзаведением» служили основанием для заключения о материальной обеспеченности сибиряка⁷. Авторы, опираясь на обширные материалы, посвященные строительству в различных регионах страны, проанализировали типы построек, выявили влияние отдельных бытовых и этнографических групп населения на общий характер жилых и хозяйственных построек Восточного Алтая. Так, фиксируя как основную северорусскую планировку жилища и усадьбы, авторы указывают, что на позднейшем этапе заселения края развитие получают южнорусские элементы (с. 214, 221). В процессе взаимодействия различных культур перед местным жителем возникла возможность выбора оптимального решения. Однако, как показано в статье, во всех этих исканиях своеобразным эталоном был сибирский опыт как наиболее адаптированный к местным условиям (с. 222). Этот вывод представляется важным, потому что некоторые буржуазные публицисты, стремясь оправдать правомерность разращения аграрного кризиса в центре за счет развития переселенческого движения, всячески приписывали достижения сибирского крестьянства в развитии материальной культуры — в частности, они отмечали «непорядливость всех надворных построек»⁸. Специально следует отметить, что в статье изменение типов и форм строительства рассматривается в тесной связи с явлениями социального и общественного порядка — развитием капитализма, распадом больших семей и т. п.

Подытоживая результаты исследования жилищного строительства, можно сказать, что авторы уделили недостаточно внимания материалу построек, представляющему собой своеобразный этнодифференцирующий момент. В принципе материалы, из которых делались жилища и другие предметы быта, не обходили вниманием исследователей (с. 80—81, 191—192). Но здесь важно вычленил другое — насколько те или иные материалы были присущи определенной бытовой группе населения. Так, например, по сообщению, относящемуся к середине XIX в., в некоторых селениях по р. Оми и в г. Байанске многие дома строились только из кедров. Лес поступал с севера Барабы и стоил относительно дорого: сотня семиаршинных бревен — 60 руб.⁹ Следовательно, спрос, очевидно, порождался какими-то особенностями быта и традицией.

⁴ ЦГИА, ф. 398, оп. 57, II разр., д. 408, л. 81, 82 и об., 85 и об.; см. также: И. Л. Фуксман. Краткий обзор хозяйства И. Л. Фуксмана близ Томска — «Труды Томского отдела Московского общества сельского хозяйства». Томск, 1897, кн. I: *Винкевич*. Хозяйство Г. Ерофеева близ г. Каинска. — Там же: *Р. Михеев*. Хозяйство Камаковых в Омском у. Акмолинской области. — «Нужды сельского хозяйства Западно-Сибиряка», № 1. Омск, 1915.

⁵ Я. Эрдели. Отчет о деятельности по Кургано-Ялutorовскому району за 1913 г. — «Труды Тобольской губернской агрономической организации», в. 26—27. Москва, 1915. прил. IX, с. 93—95.

⁶ Архив Ин-та этнографии, Западно-Сибирская экспедиция. Дневники по разделу «Сельское хозяйство». 1972, № 1, л. 71; № 2, л. 18, 30, 34, 45, 81 и об.

⁷ От Кургана до Пресно горьковской. — «Дорожник по Сибири и Азиатской России». СПб. 1899, кн. 3, с. 50—51.

⁸ «Русская мысль», М., 1890, кн. XII, отд. XIII, с. 84.

⁹ «Земледельческая газета», 27 августа 1843 (№ 69).

В указанной работе А. А. Лебедевой и статье А. В. Сафьяновой о хозяйственной жизни Верхнего Прииртышья особенности формирования быта населения рассматриваются в целом.

А. А. Лебедевой освещаются различные стороны деятельности и материальной культуры жителей Притоболья. Особое внимание уделяется изготовлению и использованию транспортных средств, одежде, внешнему и внутреннему убранству жилого помещения. Достаточно подробно характеризуются орудия производства и технология изготовления различных видов тканей и изделий из них, дается описание как местных, так и заводских образцов этих изделий. Специальный раздел статьи посвящен торжкам и ярмаркам. На основании широкого охвата различных сторон жизни края, их всестороннего исследования автор приходит к убедительно аргументированному выводу о том, что русское население за сравнительно короткий срок сумело создать производительное хозяйство и развитые ремесла. Вместе с тем, по нашему мнению, в дальнейшем нужно обратить внимание на «артельные начала» как своеобразную бытовую специфику сибирской перерабатывающей промышленности, которая коренилась в самых древних традициях «складничества», и на связь кустарного производства с земледелием. Есть некоторые основания полагать, что здесь эта связь была не такой тесной, как в Европейской России.

В статье А. В. Сафьяновой характеризуются процессы, протекавшие в Верхнем Прииртышье под влиянием переселенческих движений, анализируются время и характер проведения переселений; автор выделяет следующие группы: казаки, крестьяне-новоселы, крестьяне-старожилы. Старожилы, в свою очередь, разбиваются на «поляков» и «каменщиков». Взаимное влияние этих групп составляет содержание статьи, причем, основное внимание уделяется воздействию культуры переселенцев на старожилов. В работе А. В. Сафьяновой приводится много интересных и бесспорных данных, в частности, показано, что новоселами было улучшено огородничество (новые сельскохозяйственные растения, использование тяпки и пр.); не без их влияния совершался перевод картофеля в полевой клин и т. п. (с. 129—130). Интересны данные об организации русскими земледельцами в Бельгаачской степи так называемых «снежников» (с. 127).

Однако, по нашему мнению, автор несколько преувеличил влияние переселенцев. Представляется не бесспорным и тезис о том, что хозяйство старожилов характеризовалось «большой отсталостью», что техника у новоселов была лучше. Так, вряд ли следует считать регрессивным явлением наличие залежной системы. Большие пространства позволяли восстанавливать естественным путем плодородие почвы до новой запашки. Один из наблюдателей того времени писал: «В Алтайском округе глаз на многие версты видит перед собой совершенно равнинную площадь; степи имеют вид совершенно зеленого поля, с кое-какими вкрапленными заплатами»¹⁰. Эти немногочисленные клочки вспаханной земли постоянно менялись. Невозможно допустить, что подобная вспашка могла довести почву до истощения.

Вызывает возражение утверждение о невысоком качестве культивируемых старожилами растений и животных (с. 132—134). Плохое «качество» сибирского скота не помешало появлению феномена сибирского маслоседела. Местные породы скота отличались неприхотливостью, у них было более высокое содержание жира в молоке при малой удойности. В соответствии с этим формировался и режим кормления. Таким образом, в местном животноводстве складывался определенный гармонический круг. Стихийная метисация скота, в которой автор видит заслугу переселенцев (с. 133—134), могла только нарушить его.

Специального рассмотрения заслуживает источниковая база сборника. В сферу исследования вовлекаются не только предметы материальной культуры, информация, полученная от респондентов, но и документная информация, хранящаяся в Центральных и местных архивах. В сборнике помещена специальная статья А. А. Лебедевой по историографии и источниковедению. В ней рассмотрены труды П. С. Палласа, Т. Н. Потанина, А. Принца, Г. Катанаева и др.; показана деятельность отдельных учреждений как накопителей информации, в частности, раскрывается значение для этнографического исследования документов частного сиска. Вовлечение в сферу изучения широкого круга источников позволило автору уточнить ряд моментов в истории Южного Алтая, например, установить факт существования русского населения в Риддеровской волости до прихода «поляков».

Ценные наблюдения над источниками содержатся и в других статьях. Так, И. В. Власовой привлечена широкая и разнообразная группа источников, долгое время остававшихся вне поля зрения этнографов. Интересно с точки зрения документной эстетики использование В. А. Липинской сведений, полученных при подготовке «Списка населенных мест», не вошедших в печатное издание. В совместной статье В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой привлекают внимание размышления над проблемами репрезентативности и достоверности сохранившихся от прошлого построек (с. 191).

Изучение этих построек, являющихся «следствием коллективной мысли, коллективного творчества», — одна из актуальных задач современного источниковедения¹¹.

¹⁰ «Русская мысль». М., 1890, кн. XII, отд. XIII, с. 84.

¹¹ Ц. Бобинская. Проблемы в источниках. Методологический анализ. — «Вопросы истории», 1965, № 5, с. 83.

В сборнике широко используются фотографии. В целом они хорошо атрибутированы и дают наглядное представление об отдельных элементах материальной культуры.

Таким образом, сборник вносит весомый вклад в изучение материальной культуры русского населения Сибири. На основе конкретного анализа отдельных групп и видов источников в нем ставятся и успешно разрешаются и вопросы общеметодологического характера.

В. М. Суринов

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ ПО РУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ В ИЗДАНИЯХ СИБИРСКИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В минувшем десятилетии особенно активную исследовательскую и собирательскую деятельность по фольклору в Сибири вели педагогические институты. Их студенты и преподаватели выезжали в экспедиции и собрали большой фольклорный материал. Значительная часть этого материала опубликована. Большой заслугой в деятельности педагогических институтов является выпуск серийных сборников по фольклору и литературе Сибири¹. Одно из таких изданий — тематические сборники «Литература и фольклор Забайкалья». Первый выпуск этого издания вышел с подзаголовком «краеведческий сборник в помощь учителю». В заметке от редакции сказано, что сборник рассчитан на учителей, студентов, учащихся старших классов и всех интересующихся литературной жизнью края. В нем помещены две статьи В. С. Левашова по фольклору: «Песни забайкальских казаков о военной службе» и «Свадебные песни забайкальских казаков». Статьи эти могут представить интерес не только для учителей и студентов, но и для специалистов.

Второй выпуск содержит уже больше статей по фольклору и не имеет скромного подзаголовка «в помощь учителю», что вполне справедливо. Здесь опубликованы еще три статьи В. С. Левашова о песнях забайкальских казаков: «Календарно-обрядовые песни забайкальских казаков» (с. 118—128); «Песни забайкальских казаков о любви и семейной жизни» (с. 129—150); «Роль забайкальского трудового казачества в развитии поэзии гражданской войны» (с. 151—166). Работы В. С. Левашова хорошо воссоздают картину традиционного песенного фольклора забайкальских казаков по старым и современным записям и знакомят читателя с новым фольклором, песнями гражданской войны. О художественном своеобразии песен забайкальских казаков рассказывается в статье В. С. Левашова «Поэтика лирических песен забайкальских казаков» (в. IV, с. 110—133).

Во втором выпуске помещена статья Ю. В. Курскова «Книжно-рукописная и фольклорная традиция в Восточном Забайкалье» (с. 3—15). Она содержит краткий обзор песен о первых землепроходцах Сибири, а также некоторых сибирских легенд и преданий. Несколько устных рассказов о пребывании в Сибири протопопа Аввакума и вопрос об их правдоподобии рассматриваются в статье В. И. Зоркина «О кабанском сидении Аввакума» (с. 16—26). Н. И. Кондратьев в статье «Вопросы фольклора в приложении к „Восточному обозрению“ (к истории журнальной прессы в Восточной Сибири)» (с. 102—117) дает обзор публикаций фольклора аборигенов Сибири; приводятся сведения о русском фольклоре (преданиях и песнях о Ермаке, свадебных обрядах и песнях), рассматривается полемика В. С. Арефьева и С. В. Максимова о сибирских народных песнях.

С третьего выпуска заглавие сборника изменено, он стал называться «Литература и фольклор Восточной Сибири», что связано с расширением тематики исследований. В этом выпуске все статьи краткие. Русскому фольклору посвящены только две из них. Статья Е. И. Шастиной «Современное состояние волшебного-фантастической традиции в Восточной Сибири» (к методике исследования) (с. 24—28) построена в форме тезисов большого исследования о судьбах сказки в Сибири. Е. И. Шастина ведет успешную и плодотворную работу по собиранию и исследованию сказочной традиции Сибири. В рассматриваемых изданиях ею опубликован ряд статей на эту тему: «Сибирская школа бродячих сказочников» (в. II, с. 167—184); «О характерном и нехарактерном в современном сказительстве (по записям 1970—1973 гг. в селах Приленья)» (в. IV, с. 101—109). Кроме того, статья Е. И. Шастиной «К вопросу о социально-биографических обобщениях в волшебной сказке» помещена в сборнике «Фольклор и литература Сибири». Омск, 1976, с. 3—22.

¹ В обзоре речь пойдет об изданиях Иркутского педагогического ин-та — «Литература и фольклор Забайкалья» (в. I и II, Иркутск, 1975, 1976); «Литература и фольклор Восточной Сибири. Республиканский сборник» (в. III и IV, Иркутск, 1977, 1978); Новосибирского педагогического ин-та — «Сибирский фольклор» (в. II, III, IV, Новосибирск, 1971, 1976, 1977); Омского педагогического ин-та — «Фольклор и литература Сибири» (в. I, II, III, Омск, 1974, 1975, 1977).